

Екатерина Кретьова

Фаина варит борщ

Как поставить не «датский» спектакль

«Датская болезнь»... Это – когда спектакль, концерт, выставка или какое-то другое художественное событие приурочивается к некой юбилейной дате.

Здесь немало хорошего. Во-первых, дань памяти, уважения и пр. Во-вторых, юбилейная дата хорошо организует сознание, дает мотивацию, обоснование, актуальность. Точно не осудят, а может быть, и грант дадут. А в-третьих, облегчает выбор. Материала много, сюжетов еще больше, но в основном они не новы и даже заезжены – таковы приметы времени. Разве что коронавирус имеет все шансы стать ведущей темой художественных высказываний ближайшего будущего. Однако, он один такой свежий. Правда, когда пандемия еще не охватила мир, тема, владевшая сознанием творцов, – 75 лет Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой, – вряд ли была для кого-то банально дежурной.

Кипение страстей, пересмотр исторических постулатов и догм, казавшихся незыблемыми, активное внедрение противостоящих идеологий, навязывающих важнейшему для всех народов мира периоду самые разные смыслы и аспекты, бесконечные провокационные акции со сносом памятников, переименованием улиц, развенчанием героев и героизацией тех, кто считался предателями, – весь этот, как теперь принято говорить, «хайп» делает тему бесконечно свежей, актуальной и животрепещущей. Спектакли, концерты, видео- и аудиопрограммы, посвященные Второй мировой или Великой Отечественной – не симптомы «датской болезни» и не акции «для галочки». Каждый, кто сейчас выходит с этой темой к людям, выносит на всеобщее обозрение выстраданную позицию, какой бы она ни была: традиционно героической, ностальгически-лирической, пацифистской, покаянной, политической, просоветской, антисоветской, ревизионистской, религиозной, наплевательской – любой. За каждой выбранной песней, за каждым произнесенным поэтическим словом, за каждым сюжетом, изображением и постом в фейсбуке мы сегодня непременно видим личную позицию автора, за которую он несет полную ответственность.

Священная война... Сегодня эти слова приобретают какой-то вселенский смысл. Это уже не только война советского народа с «фашистской силой темною». Это война за идеалы, ценности, традиции, за самоидентификацию, за будущее. Тривиальные слова, которым нас учили в школе – «мы должны знать и понимать прошлое, чтобы трагедия не повторилась в будущем» – в наши дни получают статус откровения. Другое дело, что вместо слов «знать прошлое», многие, пораженные вирусом агностицизма (а он куда опаснее «короны»!), предпочитают словосочетание «интерпретировать прошлое». Так легче. Так циничнее.

Е. Санаева – Фаина. «Фаина. Эшелон». Театр «Школа современной пьесы».
Фото Е. Морозовой

Но есть верное лекарство от цинизма. Надежное средство, позволяющее взглянуть на события военного прошлого не замутненным интерпретациями взглядом. Это доверие к тому, кто видел все собственными глазами. Не важно – понимал ли масштаб и логику происходящего, не существенно – верно ли помнит те или иные детали. Ценно одно: он это видел, пережил, пропустил через свою личность, он там был.

В «Школе современной пьесы» худрук театра Иосиф Райхельгауз поставил спектакль «Фаина. Эшелон», премьеру которого сыграли буквально за несколько дней до объявления карантина и закрытия всех московских театров. Он стал не только приношением всем, на чью долю выпали страшные испытания, смерть близких, ужас оккупации, лишения эвакуации и суровые будни послевоенной жизни. «Фаина» вышла настоящим гимном жизни и любви, веры в человека и силу духа. Правдивость спектакля, жанр которого автор лаконично и бесстрашно назвал «трагедией», обусловлена очень простым обстоятельством: он основан на воспоминаниях Фаины Райхельгауз, матери режиссера, сперва рассказавшей близким историю своей жизни, а затем описавшей ее в книге «О том, что помню... прошло... тревожит». Бесхитростная документальная повесть, рассказанная не литератором, не журналистом, а мамой, бабушкой... Те, кто не пропустил шанса выслушать своих стариков, возможно, счастливейшие люди на Земле. И очень

мудрые: простые истины, открывающиеся в этих незатейливых исповедях, становятся фантастическим источником для искреннего художественного высказывания.

Репетировать «Фаину» Райхельгауз начал, совершенно не имея в виду предстоящее 75-летие Победы. Ему просто необходима была эта работа. Она была его личным делом. Принес книжку в театр. Ее прочитали все. И были буквально сражены... Чем? Ощущением подлинности, всамделишности. В наше время фейков и спекуляций это действительно редкий опыт.

Заслуженная артистка России Елена Санаева тоже прочла книгу Фаины Райхельгауз просто для себя. После чего объявила: «Я бы хотела это сыграть». Нет, это неточное слово – «сыграть». Оно не только не отражает принцип работы с этим текстом, оно не совместимо с режиссерской технологией Иосифа Райхельгауза в принципе. В его театре «играть» нельзя – вылетишь из труппы. Естественность, безусловность, буквальность – вот краткий манифест существования актёра на сцене «Школы современной пьесы». Такая техника работы над образом в полной мере совпала с дарованием Санаевой.

Была придумана исходная мизансцена, которая в процессе репетиций развернулась в сложнейшее сценографическое решение Марии Трегубовой и драматургическую концепцию в целом. Гигантская платформа, воссоздающая реальный открытый вагон эшелона – таково сценическое пространство, где сконцентрировано действие и где располагаются зрители. Разнокалиберные стулья, приставленные друг к другу простые столы. Такие выгораживали в пятиэтажках или бараках, когда собирались всем двором. Неприветливые, немногословные ассистенты в какой-то неопределенной униформе раскладывают миски, алюминиевые ложки, рассаживают зрителей. Героиня – в центре стола. Она занята простым и одновременно сакральным делом. Она (Елена Всеволодовна или Фаина Иосифовна? Этот вопрос так и не найдет ответа, настолько сильна идентификация актрисы с героиней) варит борщ. Настоящий постный – со всеми необходимыми закладками: картошка, жарка из лука и морковки, свекла, фасоль, капуста, ну и соль-перец по вкусу... Варит борщ и начинает свой рассказ:

«Садитесь-садитесь! Здесь не очень удобно, но мы будем друг друга видеть и слышать. А я буду варить борщ. Его приготовить не сложно. У каждой хозяйки свой рецепт. Замечательный борщ варила моя мама. До войны мы жили в еврейском колхозе, хотя там были и украинские

Т. Циренина – Мать. «Фаина. Эшелон». Театр «Школа современной пьесы».
Фото Е. Морозовой

семьи, и молдаване, и, конечно, русские. Несколько немецких семей. Борщ варили все. Но самый вкусный – моя мама. Я всю жизнь варю по ее рецепту. Кто только из гостей моего сына – он работает в театре – не ел мой борщ. И Олег Павлович Табаков, и Юрочка Богатырев, а однажды мой борщ ел даже Булат Шалвович Окуджава, ему он так понравился, что он прочел мне свои стихи... Постараюсь вспомнить...

*Настоящих людей так не много,
Все вы врете, что век их настал,
Посчитайте и честно, и строго,
Сколько будет на каждый квартал.
Настоящих людей очень мало,
На планете совсем ерунда,
На Россию одна моя мама,
Только... что она может одна?»*

Проходят минуты, и граница между Фаиной и Санаевой стирается абсолютно. Подчиняясь ее спокойному голосу, зрители погружаются в те события, о которых идет речь. И уже не важно – то ли это воспо-

минания Фаины, то ли Елены, то ли мы сами вспоминаем рассказы своих родителей, своих дедов и бабушек, то ли просто оживает наша генетическая память.

Время от времени мы видим на сцене маму героини. Она молода, прекрасна. То ли призрак, то ли галлюцинация, то ли сон... Татьяна Циренина в этой почти бессловесной роли – невесомый поэтический образ, буквально парящий над рядами сидящих друг против друга зрителей. Перестук колес. Он становится все громче. История – все напряженнее. Трижды мы слышим рассказ о том, как 15-летняя Фаина и ее 12-летняя сестра, ехавшие в эвакуацию на эшелоне, попали в адскую бомбежку возле Армавира:

«Мы с сестрой плотно прижались к земле и не двигались. Самолеты улетели так же неожиданно, как появились. Подняв голову, я увидела страшную картину. Живых почти не было, родителей мы нашли не сразу. Мы с Бронечкой подбегали к каждому лежавшему, пока вдруг не узнали в женщине, лежавшей лицом вверх, с рассеченной головой и оторванными ногами, свою маму. Рядом лицом вниз лежал мертвый отец, обняв ее рукой. Впоследствии нам рассказали, что папа, увидев мертвую маму, подбежал к ней со словами: “Ой, убили мою Биночку”, – обнял ее и тут же умер на месте. У него был разрыв сердца. С этого момента я себя уже не помню, я потеряла сознание на несколько часов, а когда очнулась, то на этом страшном месте была уже огромная братская могила».

Это не придумано. Это пройдено. Пережито, но не изжито. С этим Фаина прожила до глубокой старости, и никто не имеет права такое забыть.

Но помнить – вовсе не значит впасть в уныние. Оптимизм, радость жизни, восторг перед природой – вот что пронесла Фаина через весь этот кошмар. И ей веришь безоговорочно не потому, что слова ее «убедительны», «духоподъемны», «жизнеутверждающи», а потому, что она говорит бесхитростную правду:

«Я часто думаю о том, что бы сказала моя мама, увидев, например, пылесос, стиральную машину, холодильник, телевизор, санузел. Какая легкая жизнь! И зачем при всем при этом нас посещает уныние, ненависть, злоба и зависть... Я дожила до такого возраста, слава Богу! Счастье, что рядом мои дети и внуки. Счастье жить в ладу с окружающими, а главное с самим собой! Хочется пожелать всем Удачи и Любви! Любви к ближнему!»

Е. Санаева – Фаина, Т. Циренина – Мать. «Фаина. Эшелон».
Театр «Школа современной пьесы». Фото Е. Морозовой

Спектакль сочетает, казалось бы, несовместимые вещи: с одной стороны, абсолютная бытовая достоверность – кипящий на плите борщ, дразнящий ноздри вкуснейшим запахом, вибрация платформы, создающая иллюзию движения, домашняя манера Санаевой, с которой она обращается к своим... зрителям? Да нет – просто гостям, которые пришли к ней в дом. Но в эту реальность постоянно вторгается иная – метафоричная, условная: кадры фильма «Эшелон», снятого Иосифом Райхельгаузом много лет назад, фото ушедших из жизни близких людей, в том числе актёров «Школы современной пьесы», удивительная тревожная музыка, которую вживую исполняет балалаечник Михаил Кандауров, волшебное появление в разных местах затемненного зала лица Мамы.

Кульминация спектакля совпадает с финалом... Память героини вновь возвращается к страшному эпизоду налета фашистской авиации. Бомбежка врывается в наше время, разрушая театральную условность и буквально обрушивая на зрителей страшный рев «мессершмиттов», звук летящих бомб, взрывы... Столы, стулья взлетают, превращая пространство в хаос...

«Фаина. Эшелон». Театр «Школа современной пьесы». Сцена из спектакля.
Фото Е. Морозовой

Пауза... Зрители только что пережили... конечно, не то, что довелось испытать тем, кто оказался под бомбами в годы войны. Но реакция людей говорит о том, что они испытали сильное эмоциональное потрясение.

«Дорогие, борщ готов – подходите, попробуйте», – говорит Елена Санаева, гостеприимно приглашая зрителей вернуться за столы. Публика начинает с аппетитом поглощать вкусный наваристый борщ. «Мамин борщ – это святое» – в шутку может сказать каждый из нас. А шутка ли это? Когда за обычным делом приготовления пищи для всей семьи, для друзей, соседей, зрителей, пришедших в театр, встает ощущение жизни как дара, как праздника – оно становится настоящим символом любви. Ведь только она способна гармонизовать душу человека и примирить ее с любыми обстоятельствами.